

К вопросу о роли исламских религиозных деятелей
в контексте Туркестанских походов Российской империи:
на примере переписки
Оренбургской пограничной комиссии
с муллой Шагимардановым

Антон В. Кочнев

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, Екатеринбург, a.kochnev.usu@gmail.com*

Аннотация. Середина XIX в. стала для Российской империи отправной точкой к завоеванию Кокандского ханства и Бухарского эмирата, а также окончательному закреплению в регионе путем создания на присоединенных территориях в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства. Поражение Российской империи в Крымской войне вынудило правительство принять более решительные меры по присоединению Коканда и Бухары путем широкомасштабной военной кампании. Однако необходимость закрепиться в регионе в кратчайшие сроки требовала от командования новых стратегических решений и сотрудничества с представителями местной знати, купечества и духовенства. Статья призвана существенно восполнить историографический пробел в изучении сотрудничества российского командования и мусульманского духовенства в процессе присоединения Средней Азии на основе анализа неопубликованных источников, извлеченных из Государственного архива Оренбургской области. В статье рассматриваются примеры сотрудничества командования с представителями знати, купечества и духовенства, их влияние на возможное мирное урегулирование конфликта или его эскалацию, в том числе проблема коллаборационизма и шпионажа в мусульманской среде, необходимость сотрудничества с русской армией. Выводы статьи позволяют пересмотреть традиционные взгляды на позиции исламских лидеров и значение религиозного фактора как одного из важнейших элементов системы противостояния азиатских ханств и России.

Ключевые слова: международные отношения, Средняя Азия, ханства, Российская империя, ислам, религия, Туркестанские походы

Для цитирования: Кочнев А.В. К вопросу о роли исламских религиозных деятелей в контексте Туркестанских походов Российской империи:

на примере переписки Оренбургской пограничной комиссии с муллой Шагимардановым // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 1. С. 108–125. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-108-125

On the question of the role of Islamic religious figures
in the context of the Turkestan campaigns
of the Russian Empire.

On the example of the correspondence
of the Orenburg Border Commission
with Mullah Shagimardanov

Anton V. Kochnev

Ural Federal University named after the first President of Russia

B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation,

a.kochnev.usu@gmail.com

Abstract. The middle of the 19th century became the starting point for the Russian Empire in terms of the conquest of the Kokand Khanate and the Bukhara Emirate, as well as its final positions consolidation in the region by creating the Turkestan Governor-General in the annexed territories in 1867. The defeat of the Russian Empire in the Crimean War forced the government to take more decisive measures to annex Kokand and Bukhara through a large-scale military campaign, however the need to solidify its hold on the region as soon as possible required the command to make some new strategic decisions and cooperate with representatives of the local elite, merchants and clergy. The article is intended to significantly fill the historiographical gap in the research of the cooperation between the Russian command and the Muslim institutions within the framework of the annexation of Central Asia by introducing and analyzing previously unpublished sources from the State Archive of the Orenburg Region. The article reviews examples of cooperation with representatives of the elite, merchants and clergy, their influence on the possible peaceful settlement of the conflict or its escalation, including the issue of collaboration and espionage in the Muslim environment, possible potential benefits and the need for cooperation with the Russian army. The conclusions of the article allow revising traditional views on the positions of Islamic leaders, as well as reevaluating the significance of a religious factor as one of the most important elements in the system of confrontation of Asian khanates with Russia.

Keywords: International relations, Central Asia, khanates, Russian Empire, Islam, religion, Turkestan campaigns

For citation: Kochnev, A.V. (2023), "On the question of the role of Islamic religious figures in the context of the Turkestan campaigns of the Russian Empire. On the example of the correspondence of the Orenburg Border Commission with Mullah Shagimardanov", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International relations" series*, no. 1, pp. 108–125, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-1-108-125

Введение

Актуализация политики России в отношении ханств Средней Азии в отечественной историографии традиционно связывается с Петром I и его заинтересованностью в поиске пути в Индию через буферные территории азиатских ханств¹. Несмотря на попытки Петра I выстраивать с ханствами традиционные для азиатской политики России торговые связи, XVIII век характеризуется неудачной дипломатической политикой в отношении азиатских ханств, а также провалом военной кампании в Хиву князя А. Черкасского [Андреев 2011, с. 12–20].

Изменение ситуации в начале XIX в. было связано с пересмотром роли азиатских ханств во внешнеполитической повестке России, что было обусловлено усилением британского влияния в регионе. Агрессивная политика Хивы по отношению к российскому купечеству, игнорирование российских требований и лавирование между интересами Великобритании и России вынудило российское правительство начать военную кампанию 1839 г. Поводом к началу активных боевых действий в регионе стало наличие российских подданных в хивинском плену [Кочнев 2017, с. 100–104].

Провал на хивинском направлении вынудил Российскую империю в скором времени пересмотреть подход к завоеванию Средней Азии. Обострение конфронтации с Великобританией и нарастание напряженности на мировой арене также стимулировали Россию к изменениям в азиатском курсе внешней политики.

Проблема присоединения азиатских ханств к России довольно подробно представлена в отечественной историографии. Среди ранних работ можно выделить труды М.И. Иванина² о зимнем

¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 5. С. 124; Миллер Г.Ф. Известие о песочном золоте в Бухарии, о чиненных для оногo отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше. СПб., 1760. С. 9.

² Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 гг. СПб., 1874. 268 с.

походе 1839–1840 гг., а также труды Н.И. Гродекова³, И.Н. Захарьина⁴, М.А. Терентьева⁵. В дореволюционной историографии ключевое место отводилось идее о цивилизаторской миссии России⁶.

В раннесоветской историографии проявлялась тенденция осмысления политики России в Средней Азии как завоевательной, а Туркестанский край именовался колонией [Галузо 1929; Лаврентьев 1930; Лебедев 1936, с. 208–311]. Однако в 1940-е гг. в работах начинает доминировать идея о том, что процесс присоединения ханств и дальнейшей интеграции территорий позволил местному населению приобщиться к прогрессу [Бекмаханов 1946, с. 44–60; Рябинский 1941, с. 3–25; Фиолетов 1941, с. 13–29]. Во второй половине XX в. окончательно закрепляется термин «прогрессивные последствия присоединения» [Лунин 1965; Арапов 1981]. После распада СССР вновь появляется интерес к работам дореволюционных исследователей, актуализируется проблематика вопросов империализма [Дякин 1995].

Среди современных исследователей следует выделить работы С.Н. Абашина, который подробно рассматривает политику России в Средней Азии, уделяя огромное внимание управлению Туркестанским краем, интеграции местных этносов в структуру Российской империи [Абашин 2007; Абашин 2008, с. 456–471], а также работы зарубежных исследователей, посвященные сравнению военной политики России и Великобритании в Средней Азии [Morrison 2008; Morrison 2014, pp. 253–300].

Большое внимание среди современных исследователей уделяется вопросам дипломатии, структуре и иерархии посольств как важнейшему фактору выстраивания международных отношений [Андреев, Резван 2019, с. 51–62], проблемам лояльности мусульманских духовных учреждений к Российской империи [Лысенко 2019, с. 1745–1753], анализируется деятельность Оренбургской пограничной комиссии [Кудрявцева 2018, с. 51–55]. Также необходимо выделить работы К. Мацузато, посвященные институту

³ *Гродеков Н.И.* Хивинский поход 1873 г.: Действия кавказских отрядов. Издание редакции исторического журнала «Русская старина». СПб., 1883. 345 с.

⁴ *Захарьин И.Н.* Граф В.А. Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб., 1901. 206 с.

⁵ *Терентьев М.* История завоевания Средней Азии: В 3 т. СПб., 1906. 510 с.

⁶ *Бряннов А.И.* На память о Фергане, 1876–1901. Новый Маргелан, 1901. 248 с.; *Григорьев В.В.* Среднеазиатские дела. М., 1865. 156 с.; *Хорошихин А.П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. 276 с.

генерал-губернаторств и проблемам интеграции присоединенных территорий [Мацузато 2018, с. 74–103].

Исследование основывается на архивных материалах Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) (собрание актов канцелярии Оренбургского генерал-губернатора). В качестве дополнительных материалов в работе используются документы из Российского государственного исторического архива (вторая половина XVIII в. – первая половина XIX в.).

Несмотря на то что проблема присоединения азиатских ханств к России довольно основательно представлена в историографии, вопросу о сотрудничестве российских властей с представителями мусульманской знати, купечества и духовенства уделялось незначительное внимание. Имеют место спекулятивные оценки, призванные проиллюстрировать добровольное вхождение ханств в состав Российской империи, что противоречит факту военной экспансии. Вопрос о выгоде от вхождения того или иного ханства в состав России для знати и духовенства всегда носил дискуссионный характер и не рассматривался в качестве объекта специального исследования.

В статье предпринята попытка анализа завоевательной политики Российской империи в Средней Азии на основе рассмотрения региональных международных конфликтов с позиции микроисторического исследования. Необходимость изменения парадигмы подхода к проблеме присоединения Средней Азии диктуется современными условиями геополитического взаимодействия с государствами региона на постсоветском пространстве. Важную роль играет актуализация восприятия бывшими советскими республиками так называемого «колониального» прошлого, а также неверный подход к политике России в регионе как к миссионерской.

Актуализация азиатского направления в начале XIX в.

На рубеже XVIII–XIX вв. российское правительство направило целый ряд посольств в азиатские ханства с целью решить вопросы безопасности русских и среднеазиатских купцов и изучить среднеазиатский рынок. В Ташкент были отправлены миссии А.С. Безноскова, Т.С. Бурнашева (1794), Д. Телятникова (1796), М.С. Поспелова и Т.С. Бурнашева (1800), в Бухару – Я.П. Гавердовского (1803), в Коканд – Ф.М. Назарова (1813) [Ерофеева 2007, с. 6]. Однако ни одна из миссий не добилась серьезных успехов. Катастрофический провал в отношении Хивы и отсутствие серьезных

результатов по итогам политики XVIII в. требовали от правительства решительных мер. Продолжала расти напряженность между Россией и Хивой, обостряло ситуацию активное вмешательство Великобритании в политическую ситуацию в регионе.

В период Наполеоновских войн ханства еще не воспринимались как самостоятельный объект внешней политики России. Продолжала сохраняться идея индийского транзита, однако уже в тот период директор оренбургской таможни П.Е. Величко, возглавлявший экспедицию в Хиву 1808–1810 гг., отмечал сложность и даже невозможность выстраивания коммуникации с местными жителями⁷.

Проблема грабежей купеческих караванов рассматривалась в азиатской политике России преимущественно в контексте отношений с Хивой и Бухарой. Не случайно еще в 1804 г. оренбургский военный губернатор князь Г.С. Волконский отмечал, что «ограбление наших караванов не одна хищность киргизов производила, но едва ли они не научаемы и подстрекаемы к сему были всегда от хитрых хивинцев и бухарцев»⁸.

После войны 1812 г. в политической повестке отмечается усиление стремления к присоединению территории Хивы военным путем. Международный статус России не допускал уступок в геополитическом соперничестве с Великобританией в регионе, которая начинала планировать военные действия в отношении Афганистана, а также продолжала вести диалог с местными ханами.

Несмотря на целый ряд формальных поводов к началу боевых действий, таких как проблема хивинских пленников и грабежи караванов, российское командование не оставляло попыток невоенного давления на ханства. В рапорте оренбургского военного губернатора П.К. Эссена 1819 г. на имя императора «О мерах обуздания хищнических намерений хивинцев и устройстве прочных торговых сношений»⁹ отмечалось, что изменить ситуацию возможно, повлияв на купечество. В своем разговоре с «торговым головой» Атаниязом Ниязмухаметовым П.К. Эссен указывал на агрессивную политику Хивы и отмечал необходимость прекращения с ней торговли: «Вернувшись с тремя хивинцами и ургенчскими жителями (Атанияз Ниязмухаметов. – А. К.), предложил, что по возвращении в Хиву будут убеждать самого хана и других

⁷ Величко П.Е. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости (1803 г., с примечаниями В.В. Григорьева) // Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва. 1861. № 2. С. 105–138.

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 296. Л. 75–80.

⁹ Там же. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 2997. 8 л.

чиновников тамошнего правительства, дабы не только сблизить, но и постановить на твердом основании обоюдные сношения и что непременно домогаться будут о присылке весною сюда посланца для учинения договора о торговле»¹⁰.

Тем не менее подобные меры не возымели успех, а в 1836 г. было принято окончательное решение о военной экспансии в Хиву. Ультиматум оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского к хивинскому хану резюмировал все требования российского правительства к Хиве и стал иллюстрацией второго катастрофического провала азиатской политики России в регионе. При этом наиболее важную характеристику российско-хивинских отношений накануне похода дал российский посол в Бухаре и Афганистане Я. Виткевич. Он отмечал, что хивинцы «кичатся только на словах, в надежде на авось, но что в душе боятся нас и что одною только силою можно изменить образ их действий. <...> Сами владельцы Средней Азии, по невежеству своему и глупости, не имеют никакого понятия о силе и могуществе России, презирают в душе все немусульманское и коснеют в черством и однообразном невежестве своем, не заботясь о будущем, не занимаясь прошедшим»¹¹. Данная характеристика подчеркивала противопоставление «русского» и «мусульманского» миров, делая акцент на силовой политике.

Осознание важности присоединения ханств к России стало играть ключевую роль в азиатском направлении ее внешней политики. Смена подходов во внешней политике после поражения 1717 г. с силового на дипломатический не просто не дала каких-либо результатов, но и подвергла риску стратегическую позицию противовеса английскому влиянию в регионе. Однако провал военного похода 1839 г. показал, что присоединение ханств не может идти исключительно силовыми методами, что вынудило Россию искать дополнительные способы альтернативного, «мирного» присоединения ханств.

Поворот курса азиатской политики в 1853 г.

Слабый успех российских дипломатических миссий в Хиве в 40-х гг. XIX в. стимулировал активные завоевательные действия в отношении Коканда. Это означало фактическое признание пора-

¹⁰ Там же. Л. 1–4.

¹¹ Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983. С. 23.

жения на хивинском направлении и поиск новых путей присоединения региона. Именно в данном контексте важную роль начинает играть внутренняя конфронтация между ханствами. В начале 50-х гг. XIX в. выгода от вхождения в состав России еще не рассматривалась всерьез мусульманской элитой, а фактор российского вооруженного присутствия воспринимался, вероятнее всего, как возможность ослабить ханство-соперника. Так, при штурме крепости Ак-Мечеть в 1853 г. кокандский хан несколько раз обращался к хивинскому хану за военной помощью, однако Хива не спешила с помощью, хан «ограничил ее посылкою 9 верблюдов со свинцом и порохом»¹². При этом Российская империя также старалась не допустить объединения ханов, предупреждая хивинцев: «Дело наказания Кокандцев не имеет ничего общего с отношениями нашими к Хиве, почему хивинцы могут и должны оставаться в стороне»¹³.

Поражение в Крымской войне кардинальным образом ослабило позиции Российской империи на международной арене. Только в 1857 г. правительство возобновляет попытки проникновения в регион. Важным является тот факт, что в конце 50-х гг. Россия не делает каких-либо попыток вооруженного вторжения, пытаясь выстроить дипломатические отношения с ханствами и не ослабить позиции в англо-русском противостоянии. Традиционно считается, что попытки изменения политического курса ханств после Крымской войны посредством давления на купечество предпринял оренбургский генерал-губернатор А. Катенин, который приказал задержать в Оренбурге торговые караваны из Хивы, чтобы обезопасить находившееся в это время в Хиве российское посольство И.П. Игнатьева [Халфин 1960, с. 86]. При этом именно А. Катенин предложил реализацию плана захвата Средней Азии через Коканд и Бухару.

Однако в историографии опускается тот факт, что во время нахождения в Хиве дипломатической миссии Игнатьева оренбургские служащие вели сбор сведений для начала военной кампании. Так, в 1858 г. Оренбургская пограничная комиссия вела переписку с муллой Шагимардановым о политических отношениях с Хивой и Бухарой¹⁴.

Собранные сведения были зафиксированы в деле от 18 октября 1858 г., и только 6 декабря 1858 г. А.А. Катениным была предложена конкретная программа завоевания Средней Азии через Кокандское ханство путем завоевания Джулека и выхода к рубежу Туркестан–

¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7359. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же. Д. 7475. 18 л.

Чимкент–Аулие-Ата для продвижения к Ташкенту. Кроме того, на хивинском направлении рассматривалось усиление Аральской флотилии и строительство форта на р. Эмбе. Стоит отметить, что в основе программы А.А. Катенина лежали выводы работы специальной оренбургской комиссии, в состав которой входили военные и гражданские лица, связанные со «среднеазиатскими делами»: генерал А.Л. Данзас, председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев, капитан первого ранга А.И. Бутаков, участники дипломатической миссии Н.П. Игнатьева, Н.Г. Залесов и М.Н. Галкин, подполковники В.Д. Дандевиль, М.Г. Черняев и др. [Халфин 1960, с. 192].

Вероятно, разведанные, предоставленные в том числе и муллой Шагимардановым и представленные в виде отчетов А. Катенину, легли в основу выводов о необходимости военного наступления на Коканд.

Шпионская деятельность муллы Батырхана Шагимарданова

При анализе переписки Оренбургской пограничной комиссии с муллой Шагимардановым важно отметить, что ряд листов представляет собой перевод русского текста на старотатарское письмо («иске имлә»), в основе которого лежит арабская графика. Было выявлено, что текст на старотатарском языке соответствует представленным в документах листам с русской скорописью середины XIX в. Важным замечанием является то, что первые документы в переписке датируются сентябрем 1853 г., т. е. переписка начинается спустя месяц после присоединения Ак-Мечети.

Автором первого письма от сентября 1853 г. является председатель Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженский (председатель с 1844 г.), отмеченный в современной историографии как сторонник проведения в степи довольно гибкой политики по привлечению на службу местной элиты [Избасарова 2017, с. 112–122]. Ладыженский отдает Шагимарданову ряд распоряжений по сбору данных об «иностранных владениях, преимущественно о Хиве». В первую очередь Оренбургскую пограничную комиссию интересует наличие у хивинцев укреплений на урочищах, вероятно, стоящих на пути продвижения армии. В тексте письма присутствуют конкретные вопросы о наличии войск или гарнизона, постоянном или временном размещении войск, их количестве, уточняются географические особенности в районе потенциальных укреплений (наличие воды, леса, характеристика грунта). Кроме

того, уточняются сведения об отправке ханом в Константинополь 70 мальчиков для обучения военному искусству¹⁵.

Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия Хивы и Великобритании: действительно ли к хану прибыли три англичанина и просили о возможности прохода войск через Хиву в Россию, а также не имеют ли они «каких-либо дурных намерений» в отношении подчиненных России киргизов. Также уточняется, опасается ли хан англичан, как далеко английские войска от Хивы, с какой стороны могут зайти в Хиву и владеют ли какими-нибудь соседними землями. Отдельно озвучиваются вопросы, касающиеся английских завоеваний в Афганистане: были ли завоеваны Герат, Кабул, Кандагар и т. д., а также ряд бухарских городов, содержится предложение выяснить, действительно ли пределы ханства охраняются многотысячными ханскими армиями, как хан содержит войска на границе и может ли выставить воинов в составе трех армий: 80 тысяч воинов в составе одной армии и двух армий по 40 тысяч человек.

Особый интерес в письме проявляется к казахскому султану, праправнуку хана Младшего жуза Абулхаира, Елекею Касымову. Известно, что в 1852 г. он был пленен хивинцами, но смог сбежать («Каковы причины бегства? Что думают хивинцы?»).

По данным опубликованных источников, Елекей Касымов смог добраться до Аральского укрепления на Сырдарье и предоставить в дальнейшем большое количество полезных сведений о Хиве Оренбургской пограничной комиссии¹⁶. Судя по всему, на момент написания письма Ладыженскому ничего не было известно о судьбе Касимова.

Дальнейший текст письма можно представить следующими запросами:

- 1) мнение хивинцев о российском правительстве и потенциальном сотрудничестве в контексте нахождения в Оренбурге хивинской миссии;
- 2) информация о наличии русских пленных;
- 3) решение в переговорах с Персией по поводу персидских пленных в Хиве;
- 4) информация о лояльности киргизов, туркмен и каракалпаков Хиве;
- 5) данные о степени вооруженности войска и наличии орудий в Хиве.

В деле отсутствует прямая информация о том, удалось ли Батырхану Шагимарданову добыть указанные сведения в полном

¹⁵ Там же. Л. 6.

¹⁶ ЦГА РУз. Ф. 4. Оп. 1. Д. 416а. Л. 94–131.

объеме, однако есть косвенные данные из ответного письма мулле, написанного уже следующим председателем пограничной комиссии В. Григорьевым 20 апреля 1854 г. Отмечается, что в своем рапорте мулла известил комиссию о Есете Котибарове, одном из лидеров казахского восстания против российской власти (был разбит в 1857 г. российскими войсками и помилован А.А. Катениным). Григорьев отмечает высокую оценку качества доставленных сведений со стороны «господина Оренбургского и Самарского генерал-губернатора», обещает Батырхану Шагимарданову поощрение и призывает: «Только не пишите о пустяках».

19 октября 1854 г. Григорьев пишет благодарственное письмо мулле, текст которого указывает на то, что для проверки данных мулла использовал шпиона-киргиза, которого намеревался с этой целью отправить в Хиву. Председатель комиссии высылает 35 рублей серебром «на путевые издержки ему», а также просит уточнить сведения о русле Амударьи: где поворот на запад и не занесло ли русло? Стоит отметить, что значение русла Амударьи было осознано еще в петровский период. Сам мулла Шагимарданов, согласно письму, получает жалованье в 45 рублей.

Далее следует хронологический разрыв, и в следующем письме мулла Шагимарданов обращается непосредственно к генерал-губернатору Катенину, упоминая личную встречу в мае 1858 г. Важно отметить, что мулла указывает на 20-летний срок своей службы Российской империи. Из более ранних писем очевидно, что мулла сотрудничал с пограничной комиссией еще до 1853 г.: распоряжения, отдаваемые ему Ладыженским, не выглядят как попытка установления контакта. Вероятно, что мулла был завербован еще в период подготовки Зимнего похода 1839 г., однако активно обращаться к его услугам стали только после провала на Хивинском направлении.

Первая половина письма состоит из заверений мутлы в своей покорности и желании служить. Вероятно, именно это побудило Катенина сделать на полях приписку карандашом: «Прошу Василия Васильевича (Григорьева. – А. К.) со мной переговорить. Я не понимаю, чего он хочет?»¹⁷. Во второй части письма Шагимарданов сообщает о взятии англичанами Герата и соседних городов, а также описывает свое участие в основании укреплений на Мангышлаке. Упоминает также свое участие в миссии полковника Никифорова в Хиву, что выглядит сомнительным, учитывая, что миссия Никифорова проходила в 1841 г. и среди участников миссии Шагимарданов не упоминается¹⁸. При этом важных сведений в данном послании

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7475. Л. 4.

¹⁸ *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. М., 1978. С. 209.

не приводится, письмо не похоже на шпионское донесение, именно поэтому рапорт муллы и вызвал вопрос у Катенина.

Далее в конце сентября 1858 г. Шагимарданов пишет еще одну небольшую записку, в которой сообщает, что еще в 1854 г. отправлял в качестве разведчика в Хиву своего сына Исджана, где тот истратил личные 130 рублей. А также заверяет, что «в Степи народы в совершенном спокойствии» после явления Катениным «милости» (вероятнее всего, имеется в виду амнистия казахским мятежникам весной 1858 г.). А также сообщает, что отправляет сына на дальнейшую службу генерал-губернатору. В ответном послании от 16 ноября 1858 г. Катенин отмечает нецелесообразность поездок Исджана или «кого бы то ни было» в Хиву за «новостями» в изменившихся условиях, а также просит Шагимарданова как частное лицо не вмешиваться в «распоряжения степного начальства по управлению киргизами»¹⁹.

В деле содержится официальный ответ из форта Александровского от 19 июня 1859 г. на запрос из Канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. В ответе сообщается, что в форте, как и ближайшей степи, Батырхана Шагимарданова нет и никому из «киргизских старшин» неизвестно его местонахождение.

Дальнейшая судьба Шагимарданова исследователям неизвестна, однако можно предположить, что после реализации плана Катенина по наступлению на Коканд и тенденции к созданию на захваченной территории Туркестанского генерал-губернаторства необходимость в услугах Шагимарданова отпала.

Нельзя назвать шпионаж Шагимарданова уникальным явлением. Татарские муллы шпионили для России еще в XVIII в. Например, в 1798 г. мулла Махмут Аберешитов собирал сведения о наличии в Хиве «золотой горы»²⁰. Тем не менее актуализация шпионской работы мусульманских деятелей может быть напрямую связана с изменением курса азиатской политики России.

Роль мусульманских элит в создании Туркестанского генерал-губернаторства

В советской историографии эволюция подходов в оценке присоединения Средней Азии проявилась в переходе от концепта «завоевательной политики царизма» к идее о прогрессивных

¹⁹ Там же. Л. 18.

²⁰ РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1584. Л. 3–10.

последствиях ее присоединения к России. Все это сформировало идею о чуть ли не добровольном вхождении азиатских ханств в состав России [Халфин 1960]. Замена термина «завоевание» на термин «присоединение» не отражала объективной оценки происходящих событий.

Тем не менее нельзя не отметить принципиальную роль мусульманских элит в причастности к русскому завоеванию. Продвижение генерала М.Г. Черняева к Ташкенту ослабило Коканд и поставило его под угрозу завоевания Бухарой. В опубликованных источниках встречается информация о лояльности жителей Ташкента к российской армии²¹.

Черняев опасался, что бухарцы займут Ташкент раньше, и рассчитывал на поддержку жителей во время штурма. Возникает закономерный вопрос: почему жители города хотели подчиниться русской армии? Учитывая побег хана и усиление в городе бухарского влияния, мусульманские элиты выбирали наиболее лояльную администрацию, о чем свидетельствует «памятный адрес» жителей Ташкента, поднесенный Черняеву после вступления русских войск в город. По мнению Черняева, адрес имел значение «политической манифестации»²². «Присяжной лист» жителей Ташкента, сообщающий о смирении в городском управлении, заверен 24 печатями²³.

Тезис о том, что присяга жителей города была добровольной, видится сомнительным в условиях вооруженной осады города, однако факт того, что выбор пал не в пользу Бухары, а в пользу России, косвенно доказывает, что городской элите были очевидны риски бухарского владычества: это могло означать полное истребление бывшей администрации. Тогда как присяга Российской империи открывала возможности получения экономической выгоды в условиях формирования Туркестанского генерал-губернаторства при сохранении частичного самоуправления.

Заключение

Завоевательная политика России в отношении Коканда, Бухары и Хивы является неоднородным явлением. Помимо военных действий, предпринимались попытки использования дипломатических мер и экономического давления. Имели место эпизоды

²¹ Львов И. Завоевание Туркестана: Заметки по среднеазиатскому вопросу Д.И. Романовского // Русский вестник. 1868. № 7. С. 152–178.

²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8049. Л. 1–10.

²³ Там же. Д. 8115. Л. 1–3.

добровольного перехода в подданство, которые, однако, были обусловлены выгодными для элит условиями, особенно значимыми в контексте противостояния ханств.

Особого внимания в рамках оценки завоевательной политики заслуживает проблема российского варианта колониализма. Важно отметить особый статус хивинского и бухарского протекторатов, внутренняя жизнь которых управлялась по собственным законам и собственными чиновниками (под контролем находились только внешние отношения). В современной историографии существует дискуссия о природе российской политики в Туркестане. Так, противники концепции «российского колониализма» считают, что статус колониальной державы не соответствовал сущности Российской империи и никогда не соотносился с характерными чертами европейского колониализма: нет господствующего народа, экономической эксплуатации и т. д. [Миронов 2018]. В противовес этому ряд современных исследователей считают, что Туркестан вполне может описываться как колония Российской империи, несмотря на ряд особенностей, при этом термин «колониализм» не обязательно может носить исключительно негативную коннотацию [Абашин 2015].

Говоря о XIX в., стоит отметить, что смена курсов региональной политики зачастую была обусловлена особенностями подходов генерал-губернаторов к вопросу захвата Средней Азии, но всегда была связана с необходимостью геополитического противостояния Великобритании. Использование в этом контексте шпионов из числа мусульманского духовенства не является неожиданностью, однако позволяет пересмотреть подходы к противостоянию России и ханств как к противостоянию европейского и мусульманского миров и возвести в доминанту противостояние экономическое и геополитическое. Подтверждением данному тезису также являются «добровольные» переходы мусульманской элиты в подданство России, что в условиях борьбы ханств друг с другом за гегемонию оправдывало для них выбор в пользу «меньшего зла». Религиозный фактор мог сказаться на развитии русско-хивинских отношений: утратив самостоятельность, Бухара и Коканд уступили Хиве роль последнего оплота исламского мира, не подчинившегося «неверным». Однако для духовенства и мусульманской элиты очевидной становилась выгода российского присутствия в условиях вражды между ханствами. Необходимо отметить, что характер взаимодействия российской администрации с местным населением и мусульманским духовенством противоречит существовавшей оценке миссии России в регионе как «просветительской» или «цивилизаторской» и указывает на экономический и геостратегический

характер российского ориентализма, целью которого было не подчинение местных «туземных племен» и формирование сырьевого придатка, а интеграция региона и укрепление позиций России на международной арене.

Литература

- Абашин 2007 – *Абашин С.Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007. 312 с.
- Абашин 2008 – *Абашин С.Н.* Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 456–471.
- Абашин 2015 – *Абашин С.Н.* Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией. М., 2015. 848 с.
- Андреев 2011 – *Андреев А.А.* Русло Амударьи, «песочное золото» или политика Петра Великого в Средней Азии // *Петровское время в лицах – 2011: Труды Государственного Эрмитажа*. Т. 48: Материалы науч. конф. СПб., 2011. С. 12–20.
- Андреев, Резван 2019 – *Андреев А.А., Резван М.Е.* Развитие дипломатической традиции персидских, хивинских и бухарских посольств в России с конца XVI до начала XVIII в. // *Кунсткамера*. 2019. № 2 (4). С. 51–62.
- Арапов 1981 – *Арапов Д.Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981. 128 с.
- Бекмаханов 1946 – *Бекмаханов Е.Б.* О социально-экономических последствиях присоединения Казахстана к России // *Большевик Казахстана*. 1946. № 11–12. С. 44–60.
- Галузо 1929 – *Галузо П.Г.* Туркестан – колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). М., 1929. 240 с.
- Дякин 1995 – *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 70–83.
- Ерофеева 2007 – *Ерофеева И.В.* Рукописное наследие поручика Я.П. Гавердовского по истории, географии и этнографии Казахской степи // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв.* Т. 5: Первые историко-этнографические описания казахских земель: первая половина XIX в. Алматы, 2007. С. 1–114.
- Избасарова 2017 – *Избасарова Г.Б. М.В.* Ладыженский как один из разработчиков региональной политики Российской империи // *Вопросы истории*. 2017. № 12. С. 112–122.
- Кочнев 2017 – *Кочнев А.В.* Российские подданные в хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2017. № 423. С. 100–104.
- Кудрявцева 2018 – *Кудрявцева Е.П.* Деятельность оренбургской пограничной комиссии в качестве подразделения российского МИД // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2018. Т. 20. № 3. С. 51–55.

- Лаврентьев 1930 – *Лаврентьев В.* Капитализм в Туркестане: буржуазная колонизация Средней Азии. М., 1930. 273 с.
- Лебедев 1936 – *Лебедев Л.В.* Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. 1936. Т. 5. С. 208–311.
- Лунин 1965 – *Лунин Б.В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965. 190 с.
- Лысенко 2019 – *Лысенко Ю.А.* Вопрос о благонадежности мусульманских учебных учреждений Туркестанского края в отчетах чиновника особых поручений МВД Л. Наумова // Былые годы: Российский исторический журнал. 2019. № 54 (4). С. 1745–1753.
- Мацузато 2018 – *Мацузато К.* Генерал-губернаторства азиатской России: геополитика и территориальное управление // Личность, общество и власть в истории России: Сб. науч. статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 74–103.
- Миронов 2018 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. 2-е изд., испр. Т. 1. СПб., 2018. 896 с.
- Рябинский 1941 – *Рябинский А.* Царская Россия и Бухара в эпоху империализма // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 3–25.
- Фиолетов 1941 – *Фиолетов И.* Бухарское и Хивинское ханства и отношения их с Россией // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 13–29.
- Халфин 1960 – *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. 272 с.
- Morrison 2008 – *Morrison A.* Russian rule in Samarkand, 1868–1910. A comparison with British India. Oxford, 2008. 364 p.
- Morrison 2014 – *Morrison A.* Twin Imperial disasters. The invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British official mind, 1839–1842 // Modern Asian Studies. 2014. Vol. 48. No. 1. P. 253–300.

References

- Abashin, S.N. (2007), *Natsionalizmy v Srednei Azii: v poiskakh identichnosti* [Nationalisms in Central Asia. In search of identity], Saint Petersburg, Russia.
- Abashin, S.N. (2008), “Reflections on ‘Central Asia as part of the Russian Empire’”, *Ab Imperio*, no. 4, pp. 456–471.
- Abashin, S.N. (2015), *Sovetskii kishlak: mezhdu kolonializmom i modernizatsiei* [Soviet kishlak (village). Between colonialism and modernization], Moscow, Russia.
- Andreev, A.A. (2011), “The riverbed of the Amu-Darya, ‘pesoshnoe (sandy) gold’ or the policy of Peter the Great in Central Asia”, *Petrovskoe vremya v litsakh – 2011: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 48: Materialy nauchnoi konferentsii* [Peter’s time in persons – 2011: State Hermitage Museum, vol. 48: Proceedings of the Scientific Conference, pp. 12–20.

- Andreev, A.A. and Rezvan, M.E. (2019), "The development of the diplomatic tradition of the Persian, Khiva and Bukhara embassies in Russia from the end of the 16th to the beginning of the 18th century", *Kunstkamera*, vol. 4, no. 2, pp. 51–62.
- Arapov, D.Y. (1981), *Bukharskoe khanstvo v russkoi vostokovedcheskoi istoriografii* [Bukhara Khanate in Russian Oriental historiography], Moscow, USSR.
- Bekmakhanov, E.B. (1946), "On the socio-economic consequences of Kazakhstan's accession to Russia", *Bol'shevik Kazakhstana*, no. 11–12, pp. 44–60.
- Dyakin, B.C. (1995), "The national question in the internal policy of Tsarism (19th century)", *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 70–83.
- Fioletov, I. (1941), "Bukhara and Khiva Khanates and their relations with Russia", *Istoricheskii zhurnal*, no. 3, pp. 13–29.
- Galuzo, P.G. (1929), *Turkestan – koloniya (Ocherk istorii Turkestana ot zavoevaniya russkimi do revolyucii 1917 g.)* [Turkestan – colony (An essay on the history of Turkestan from the conquest by the Russians to the revolution of 1917)], Moscow, USSR.
- Erofeeva, I.V. (2007), "The handwritten legacy of Lieutenant Ya.P. Gaverdovsky on the history, geography and ethnography of the Kazakh steppe", in *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. T. 5: Pervye istoriko-etnograficheskie opisanija kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka* [The history of Kazakhstan in Russian sources of the 16–20th centuries, vol. 5: The first historical and ethnographic descriptions of the Kazakh lands. The first half of the 19th century], Almaty, Republic of Kazakhstan, pp. 1–114.
- Izbasarova, G.B. (2017), "M.V. Ladyzhensky a developer of the regional policy of the Russian Empire", *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 112–122.
- Khalfin, N.A. (1960), *Politika Rossii v Srednei Azii (1857–1868)* [Russia's policy in Central Asia (1857–1868)], Moscow, USSR.
- Kochnev, A.V. (2017), "Russian subjects in Khiva captivity at the end of the 18th – beginning of the 19th century. Ways to solve the issue and consequences", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 423, pp. 100–104.
- Kudryavtseva, E.P. (2018), "Activity of the Orenburg Border Commission as a unit of the Russian Foreign Ministry", *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoj akademii nauk*, vol. 20, no. 3, pp. 51–55.
- Lavrent'ev, V. (1930), *Kapitalizm v Turkestane. Burzhuaznaya kolonizatsiya Srednei Azii* [Capitalism in Turkestan. Bourgeois colonization of Central Asia], Moscow, USSR.
- Lebedev, L.V. (1936), "From the history of Kazakhs' relations with Tsarist Russia in the 18th century", *Krasnyi arkhiv*, vol. 5, pp. 208–311.
- Lunin, B.V. (1965), *Srednyaya Aziya v dorevolyutsionnom i sovetskom vostokovedenii* [Central Asia in pre-revolutionary and Soviet Oriental studies], Tashkent, USSR.
- Lysenko, Yu.A. (2019), "The question of the trustworthiness of Muslim educational institutions of the Turkestan region in the reports of the official of special assignments of the Ministry of Internal Affairs L. Naumova", *Bylye Gody. Russian Historical Journal*, vol. 54, no. 4, pp. 1745–1753.

- Matsuzato, K. (2018), "General governorships of Asian Russia. Geopolitics and territorial administration", in *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora V.I. Shishkina* [Personality, society, and power in the history of Russia. Collection of scientific articles about the 70th anniversary of the Doctor in History, professor V.I. Shishkin], Novosibirsk, Russia, pp. 74–103.
- Mironov, B.N. (2018), *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu. V 3 tomakh. 2-e izdanie, ispravlennoe* [The Russian Empire. From tradition to modernity, in 3 vol., 2-d ed., corrected], vol. 1, Saint Petersburg, Russia.
- Morrison, A. (2008), *Russian rule in Samarkand, 1868–1910. A comparison with British India*, Oxford, UK.
- Morrison, A. (2014), "Twin Imperial disasters. The invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British official mind, 1839–1842", *Modern Asian Studies*, vol. 48, no. 1, pp. 253–300.
- Ryabinsky, A. (1941), "Tsarist Russia and Bukhara in the era of imperialism", *Istoriemarkсист*, no. 4, pp. 3–25.

Информация об авторе

Антон В. Кочнев, кандидат исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; 620083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; a.kochnev.usu@gmail.com

Information about the author

Anton V. Kochnev, Cand. of Sci. (History), Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; bld. 51, Lenin Av., Yekaterinburg, 620083, Russia; a.kochnev.usu@gmail.com